

Несмелов Арсений

Рассказы о войне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А85

А85 **Арсений Н.**
Рассказы о войне / Несмелов Арсений – М.: Книга по Требованию, 2024. –
192 с.

ISBN 978-5-519-99309-8

ISBN 978-5-519-99309-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЛЕВАЯ СУМКА

В Харбинѣ, на ларькѣ китайца-старьевщика, я увидѣлъ старую офицерскую полевую сумку. Она лежала на зеленом, сукном обтянутом дискѣ от сломаннаго грамофона, между мѣдным позеленѣвшим подсвѣчником и парю бумажных вѣеров. Ея кожа, темная и сморщенная, внятно говорила моему сердцу о походах и ночевках под дождем, то в полѣ, то в сырых ямах окопов.

Как цвѣток, забытый в книгѣ и случайно найденный, буди въ сердцѣ воспоминанія о давно минувшей порѣ, так и эта, выдубленная войной, суровая кожа заставила мою душу вздрогнуть от цѣлаго ряда воспоминаній. Такую сумку носил когда-то и я, и была она куплена в Москвѣ, на Воздвиженкѣ, в магазинѣ Экономическаго Общества Офицеров.

Была она ярко желтой, нарядной, и раздувалась слегка гармошкой, а помѣщалась в ней целлюлоидовая планшетка для карты, да полевая книжка. В этой книжкѣ странички были перегнуты для оставленія копій с рапортов и донесеній, а в ея кармашкѣ хранились для них особые конверты с пунктирной черточкой для подписи получателя и с крестиком для обозначенія аллюра.

Я протянул руку к сумкѣ, почти увѣренный, что в ней должно остаться что-нибудь от ея обычнаго багажа. И предчувствіе не обмануло меня. Я нашел

в ней полевую книжку, до послѣдняго листика исписанную аккуратным почерком, частью чернилами, а больше химическим карандашем. Нѣкоторыя записки были датированы, нѣкоторые же отдѣлялись от предыдущаго текста лишь чертою. Увидав, что записи эти представляют собою нѣчто вродѣ дневника, который невѣдомый мнѣ офицер вел в первые мѣсяцы русско-германской войны, я купил сумку вмѣстѣ с книжкой и унес покупку домой, гдѣ и принялся за расшифровку, полустертых записей.

И вѣтер завиленских осенних ночей, черных и влажных, опять зашевелили волосы на моей головѣ, и взворонил тѣ глубины души, гдѣ рождаются сновидѣнія и мнѣ вновь почудилось погромыхиванье далекаго пушечнаго огня.

Каким образом полевая книжка Эта, пережив войну и революцію, попала в Харбин, я не знаю, равно как и то, здравствует ли еще и понынѣ ея владѣлец, прапорщик, — как явствует из надписи на титульном листѣ, — Мпольскій, младшій офицер 16 роты 11 гренадерскаго Фанагорійскаго полка. В бѣженских и офицерских организаціях Дальняго Востока, по наведенным мной справкам, такого офицера не оказалось. Человѣка с такой фамиліей не мог мнѣ указать и адресный стол Харбина.

Однако, предполагая, что полевая сумка с книжкой могли быть похищены у кого-либо из родственников названнаго офицера, я дѣлал и соотвѣтствующія публикаціи в газетах; но и на них никто не откликнулся.

Все это заставило меня считать себя собственником записей, которыя я нынѣ и опубликовываю,

ибо многое в них несомненно любопытно и ценно. Кроме того, к этому меня побуждает еще и следующее: я чувствую необходимость (иного выражения не нахожу) к первым, громокипящим годам войны, вдруг освободившим эпоху от необходимости думать, жить и поступать так, как думали, жили и поступали многие ряды предыдущих поколений. Всякое свидетельство об этих годах я принимаю с радостью, автор же записок был наделен зорким взглядом, чуткой душой и видел многое.

29 июля.

Мой ротный, штабс-капитан Орфинин, часто стоит в коридор вагона и смотрит в окно. Проходя мимо, я останавливаюсь и говорю:

— Как медленно мы тащимся, господин капитан!

Орфинин с видимой неохотой вынимает лицо из делящей прохлады ветра. Блеск его глаз подозрительно влажный.

— Если бы всю войну так тащиться! — неожиданно вырывается у него, и он снова прячет лицо, отворачиваясь.

Страшный ответ для офицера. Он был бы еще понятен в устах кого-либо из нас, штатских «прапоров», призванных из запаса. Вообще, я с интересом присматриваюсь к моим спутникам по вагону. В купе со мной все офицеры нашей роты. Нас четверо: Орфинин, полпоручик Немецек, прапорщик Закальничков и я.

Всѣхъ симпатичнѣе мнѣ Нѣмечекъ. Онъ чехъ по крови и идетъ на войну съ энтузіазмомъ: вѣритъ почему-то въ освобожденіе своего народа. Онъ небольшого роста, ниже меня, широкоплечъ и съ круглымъ румянымъ лицомъ. У него всегда такъ сжатъ ротъ, что подъ кожей на скулахъ проступаетъ игра мускуловъ.

Двѣ недѣли тому назадъ онъ выпущенъ изъ Александровскаго училища. Какъ и меня, одинокаго чловѣка, — его никто не провожалъ; его родители живутъ гдѣ-то на Украинѣ.

На воинской платформѣ Александровскаго вокзала, гдѣ грузился эшалонъ, мы все время толкались вмѣстѣ.

Москвичей, солдатъ и офицеровъ, пришло проводить очень много женщинъ. Онѣ бѣжали по платформѣ подъ бѣлымъ рѣзкимъ свѣтомъ дуговыхъ фонарей, а за этимъ свѣтомъ была стѣна ночи, изъ прорѣхъ которой къ намъ высовывались углы какихъ-то кровель, колѣнчатыхъ трубъ и подъемныхъ крановъ. Въ темнотѣ шипѣлъ паръ и лязгало желѣзо. Иногда вскрикивали паровозы.

А надъ всѣмъ этимъ, широко, ровно и непрерывно, гудѣла оставляемая нами Москва. Вообще все это было немного жутко и театрально, какъ на сценѣ.

От моего одиночества въ этомъ многолюдствѣ мнѣ стало грустно. Вѣроятно было грустно и стоявшему рядомъ со мной Нѣмечеку, потому что онъ вдругъ сталъ насвистывать, а потомъ сказалъ:

— До отправки почти два часа. Хорошо бы въ ресторанъ, выпить вина!

У него странная манера говорить: он очень отчетливо произносит всѣ буквы слова, — так говорят иностранцы. Может быть, сказалось его иностранное происхождение.

Желѣзнодорожник сказал нам, что ближайшій ресторан у Прѣсенской заставы и мы направились туда, через пути и пустыри... И вышли к оградѣ какого-то кладбища. Мнѣ кажется, что это было Ваганьково. Недурное предзнаменованіе!

Дальше не пошли, и хорошо сдѣлали. Когда вернулись, горнист уже трубил посадку. Назначенный мнѣ в деньщики гренадер Смольянинов принес колбасы и коньяку, — сумѣл его гдѣ-то раздобыть. Первый раз в жизни пил коньяк из чайнаго стакана. Проснулся утром в Вязьмѣ, гдѣ и записал все это.

Прапорщик Закальников — студент московскаго императорскаго техническаго училища. Он очень красив, но уж очень черен, словно цыган. Нѣмечек говорит, что он похож на Гаршина. Не знаю, не видал его портрета. У Закальникова такое выраженіе лица, как-будто он болен и перемогает, не желая, чтобы другіе знали об его недугѣ.

С утра он, шевеля губами, изучает новую стрѣлковую таблицу. Эти таблицы — новинка, онѣ только что введены в арміи. Учитывается направленіе вѣтра, температура воздуха и еще что-то. Я посмотрѣл, но ничего не понял: очень сложно.

Думаю так: оперировать этими таблицами в бою все равно, что слѣдить за изяществом манер

во время пожара; нужно имѣть сверх-самообладаніе, а есть ли оно у меня, еще вопрос.

У меня такое впечатлѣніе, что офицеры, побывавшіе на русско-японской войнѣ ѣдут воевать неохотно. Вчера ротный, почти не стѣсняясь нас, смахнул с глаз слезинку. Нѣмчечек мнѣ рассказывал, что у Орѣшина большая семья, и он ее очень любит.

Я уже все знаю о ротном. Он из солдат. Остался на сверхсрочную службу, учился, сдал экзамен за четыре класса и поступил в юнкерское училище. В полку товарищи его нѣсколько третируют.

У меня почему-то такая мысль: никакой войны не будет. Пока доѣдем до границы, наши помирятся с Германіей.

30 іюля.

Орѣшину сапоги стаскивает деньщик. Вечером, видя, как я мучаюсь с узким сапогом, Смольянинов хотѣл мнѣ помочь.

— Разрѣшите, ваше благородіе, я сниму.

Мнѣ показалось диким, что другой человек станет стаскивать мнѣ сапог, и я отказался, продолжая кряхтѣть над моим мученьем. Орѣшин, не без раздраженія, с верхней полки:

— Пусть он снимет, вы мѣшаете спать!

И потом зѣвая:

— Вообще, выбросьте эти сапоги. Послѣ перваго же похода вы раскровяните в них ноги. Купите такіе, чтобы были нѣсколько велики, на портянку.

У Орѣшина есть странное ругательство:

— Интеллигентное дерьмо!

Так он почему-то называет вольноопредѣляющихся. Мнѣ и Закальникову это нѣсколько обидно, вѣдь и мы были вольнооперами. Все-таки он нетактичен, видно, что из солдат.

Почти всѣ офицеры надѣли солдатскія гимнастерки, устранив в своей одеждѣ все блестящее, все золото. Даже погоны у многих солдатскіе, только со звѣздочками. Неужели будет дѣйствительно что-то вродѣ андреевскаго «Краснаго Смѣха»- Не могу в это повѣрить!

Пока что война принесла мнѣ только однѣ удовольствія: интересную поѣздку, свободу, много денег и офицерскую форму.

Однако, у всѣх прапоров батальонный, подполковник Агапов, вчера осматривал револьверы и накричал на прапорщика Жуликова (вот фамилія) за бульдог. Надо имѣть наган или автомат, — значит, начальство вѣрит в войну.

У Агапова большой живот, усы, как у моржа, и одышка. Он всегда кричит, и я стараюсь ему не попадаться на глаза.

Меня корбит его обращеніе:

— Прапорщик! Штабс-капитан! Поручик!

И к этому только фамилія. Но все-таки в этом есть какая-то четкость отношеній. Вѣроятно, привычку.

Вышел за Нѣмечком на площадку вагона и не нашел его там. Дальше качалась красная стѣнка то-

варного вагона. Куда же дѣлся Нѣмчек? Бдруг железнодорожник говорит:

— Они на крышѣ вагона, ваше благородіе!

Не повѣрил, но все-таки, по лѣсенкѣ, не без страха поднялся и заглянул на крышу. Дѣйствительно, там сидѣло нѣсколько офицеров, все молодежь, конечно; среди них был и Нѣмчек. Они пѣли.

Железнодорожник крикнул мнѣ снизу:

— Только не вставайте, ваше благородіе. Над линіей кое-гдѣ проволка протянута. Срѣжет голову.

Но я спустился вниз. Офицеры на крышѣ вагона, гдѣ это видано! Да, мы ѣдем на войну, я начинаю это чувствовать. Сегодня, ложась отдыхать послѣ обѣда, я не протестовал против того, чтобы Смольянинов стаскивал с меня сапоги.

Ночью мы должны проѣхать Брест.

У Орѣшина взгляд почти всегда устремлен вниз, опущен. Но это не приниженность, а упорство вьючаго животного, которое, опустив лоб к землѣ, тащит арбу. В Орѣшинѣ несомнѣнно есть сила. Из солдат пробиться в офицеры в русской арміи не так-то легко. Из простых мужиков!

Вчера, когда мы остались одни в купѣ, Закальников сказал мнѣ:

— Досадно, что наш полк брошен в первую голову. Мы должны будем сломить сопротивление нѣмцев. Сломить то его мы, конечно, сломим, но и нас так расчешут, что немного вернется назад. Так всѣ офицеры думают!